

Поздней осенью 1632 года Мадрид, уже изрядно подрастерявший к тому времени свое бывшее могущество, а вместе с ним и богатство, но все еще достаточно зажиточный, шумно отмечал семидесятилетие Колумба.

На этом месте просвещенный читатель наверняка споткнется. Семидесятилетие? Колумба? Да ведь прославленный мореплаватель был к тому времени уже полтора века как мертв.

Истинная правда — мертв, вот только речь у нас не о мореплавателе, речь у нас о другом Колумбе: Колумбе поэтических Индий, как именовали юбилера склонные к пышным титулам испанцы. Подлинное же — и полное — имя его звучит так: Лопе Феликс де Вега Карпио. Или сокращенно — Лопе де Вега.

Ну ладно, а Индии-то здесь причем? А при том, что Индиями назывались тогда открытые Колумбом земли американского континента. Это были необъятные, не подвластные взору просторы; нечто подобное открыл, возделал и представил на суд современников «чудо природы» Лопе.

Никто в точности не знает, сколько пьес сочинил этот бесспорный рекордсмен среди мировых классиков по количеству написанного. Что-то около двух тысяч. Или даже больше. А еще романы, новеллы, письма... Один дотошный английский исследователь подсчитал, что Лопе де Вега создал за свою жизнь без малого двадцать миллионов стихотворных строк. Это примерно сотня в день, если за время начала профессиональной литературной работы принять двенадцатилетний возраст. Сотня в день! Но в таком случае возникает вопрос, когда же этот человек жил? Просто жил... Отрывался ли вообще от письменного стола или так и прокорпел над ним, не разгибаясь, все отпущенные ему годы?

Будьте спокойны: отрывался, и при этом для дел, отнюдь небесприятных. «Любить и сочинять стихи — одно и то же», — авторитетно заявляет поэт Фернандо, герой драматического романа «Доротея», увидевшего свет как раз в год семидесятилетнего юбилея Колумба поэтических Индий.

Роман — автобиографичен, о чем недвусмысленно дано понять на первых же страницах, в традиционном обращении к публике. «Предметом его была истинная история», однако в посвящении автор признается: «Я написал «Доротею» в годы ранней юности».

Рукопись потерялась, но по прошествии нескольких десятилетий Лопе удалось восстановить ее — то ли по памяти, то ли по сохранившимся отрывкам. Отсюда следует, что и спустя полвека престарелый поэт не забыл той, кто внушил ему когда-то столь сильное чувство. По-прежнему считал, что ничто не может сравниться с ее совершенной красотой, чудным изяществом, блестящим остроумием, возвышенным умом...

Ту, что скрывается в романе под именем Доротеи, в реальности звали Еленой. Елена Осорио... Но Осорио — фамилия по мужу, девичья же — Веласкес. Отец ее был крупным театральным деятелем: играл, ставил спектакли, организовывал гастроли. Так что, скорей всего, начинающий драматург увидел ту, что стала Главной женщиной его жизни, в доме ее отца. Либо на сцене: дочь актера, она и сама охотно выходила на подмостки.

«Когда я попался тебе на глаза, мне не было еще и семнадцати», — говорит Фернандо, обращаясь к Доротее. В той же фразе упоминается университет, расположенный недалеко от Мадрида, — одно из самых авторитетных в то время учебных заведений. Гениального юношу, способности которого проявились необычайно рано, послали сюда едва ли не ребенком, но лекции он слушал вполуха: строчил в конспектах стихи на испанском и латинском языках. Вскоре же и вовсе забросил занятия, о чем без сожаления сообщил прекрасной Елене, которая была повинна в этом — так взвужила голову.

Елена ответила на его любовь. Не сразу, но ответила. «Меня смущает лишь твоя молодость», — признается она в письме, которое сохранил для потомков ее любовник, включив это интимное послание в свой роман.

Но дело было не только в молодости. Не только в том, что искушенная в любви женщина испытывала сомнение. «Возможно, — рас-

суждала она, — эта нежность была следствием твоих юных лет, а не твоих чувств». Загвоздка состояла в другом: рядом неотлучно находился муж. И вот теперь он уехал, причем уехал далеко — в Индию, то бишь в Америку. Тогда-то она, прибегнув к помощи общего знакомого, человека надежного и услужливого, послала своему юному вздыхателю приглашение навестить ее.

Надо ли говорить, что приглашение было не просто принято, а принято с воодушевлением и надеждой! «Я разоделся как мог изящнее и наряднее и отправился к ней как настоящий обожатель — утиный, надушенный, расфранченный».

Конечно, на этих словах лежит отсвет иронии, но она обычна для Лопе де Вега. Смех в разных его проявлениях присутствует во всех его произведениях, играет, переливается, искрится, и жизнерадостные испанцы ценили это.

Выросшая в театральной семье, молодая красавица, муж которой столь неосмотрительно покинул ее ради больших денег, не представляла исключения. Лопе почувствовал это довольно скоро и самым приятным для себя образом. «Моя персона или мое остроумие, или то и другое вместе, снискали ее благоволение».

Сколь же далеко зашло это благоволение? Далеко... Разумеется, «при такой разнице в летах, — как справедливо замечает один из героев «Доротеи», — любовное соглашение — это чудо небесное», но не будем забывать, что характеристика «чудо» сопровождает Лопе всю его жизнь. На сей раз оно было особенно ослепительным, и мог ли купающийся в блаженстве любовник, сын мадридских улиц, не поведать о своем счастье в рожденном улицами жанре романса!

Романсы эти распевала вся Испания. С них-то, собственно, и началась всенародная слава Лопе де Вега. (Пройдет четыре года, и стихи Лопе, посвященные той же даме, превратят его сперва в узника, а затем в изгнанника). Вся Испания распевала романсы, в которых под разными именами восхвалялась та, чье подлинное имя не составляло ни для кого секрета. Это, естественно, вызывало неудовольствие

родственников Елены, и их можно понять.

Ну ладно, злые языки поговорят и успокоятся, но мог ведь узнать и муж: Америка хоть и далека, но письма в конце концов доходят и туда. Ничего, пронесло. Хотя вероятность, что супруга известят о поведении жены, была достаточно высока. В самом начале 1588 года, то есть по истечении тех самых отмеренных судьбой четырех лет, он вполне мог получить некое любезно пересланное ему в Америку письмо, которое сразу бы заста-

Мадрида. Это означало покинуть поле битвы, где он уже почти полностью владел ситуацией.

Тогда Франсиско Переннота де Гранвела — так звали племянника кардинала — пошел на хитрость: сделал все возможное, чтобы увести Лопе с собой. Под каким предлогом? Да под каким угодно. Назначить, например, своим личным секретарем. Пусть уж на время его отсутствия прекрасная Елена не достанется никому. Одним словом, собака на сене — не тогда ли и родился замысел знаменитой коме-

Когда прекрасная Елена принадлежала ему безраздельно. А теперь... О, лучше не думать о том, что было теперь!

«Любовь моя перешла в ревность, ревность в ярость, ярость в безумие, безумие в бешенство, бешенство в жажду мести». В романе слова эти произносит Доротея, но нет ни малейшего сомнения в том, что автор мог в полной мере отнести их и к самому себе. А иначе как прикажете объяснить свершенное им? Разве не было все это чистой воды безумием!

СОБАКА НА СЕНЕ

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА
УДАЛОСЬ
ОБМАНУТЬ ЕЕ.
НО ВЕЛИКИЙ
ДРАМАТУРГ
ДОРОГО
ЗАПЛАТИЛ
ЗА ЭТО

Если прежде Испания распевала романсы, в которых обожествлялась его подруга, то теперь он наводнил Мадрид язвительными стихами, в которых фигурировала та же дама, но уже в ином качестве. «Дама продается любому, кто ее покупает...» Так звучат эти стихи в дословном переводе. И это — те самые стихи, за которые Колумб поэтических Индий угодил за решетку.

вило рога носца бросить все и примчаться домой.

Но муж, слава Богу, письма не получил. Его перехватили бдительные братья Елены и, без труда установив, кто его автор — подлинный автор! — подали на него в суд.

Злополучное письмо было написано якобы самой Еленой Осорио: мистификатор искусно подделал ее руку, — и адресовалось Лопе де Вега. Из него явствовало, что, пока Дон Осорио добывает в Индии алмазы, его жена изменяет ему на право и налево.

К сожалению, письмо это не сохранилось. Обидно... То был уникальнейший документ, единственный в своем роде. И — во всем необъятном творческом наследии Лопе де Вега. Ибо не кто иной, как Лопе де Вега, являлся автором фальшивого письма. И он же пытался переслать его мужу бывшей возлюбленной, надеясь хотя бы с помощью законного супруга заставить ее порвать со своим новым избранником.

Да, через четыре года сумасшедшего счастья Елена Осорио стала для Лопе де Вега бы в ш е й возлюбленной. Бросила его. Ушла к другому.

В «Доротее» господин этот выведен под именем дон Бельи, индианца, то есть человека, прожившего некоторое время в Америке. Но в данном случае Индии были ни при чем. Тот, кто отнял у поэта возлюбленную, обитал не на другой стороне земного шара, а здесь, рядом, в нескольких кварталах от дома Осорио, в самом respectable районе Мадрида. Он мог позволить себе это — богат, потомок старинного аристократического рода, племянник самого кардинала. Что рядом с ним какой-то шелкопер, родившийся, как он сам не без горечи (и не без гордости!) скажет о себе, «в соломе бедного гнезда»!

Елена, надо отдать ей должное, не сразу оттолкнула своего юного друга. Некоторое время она находилась как бы на распутье, и тот, кто выведен в «Доротее» под именем дон Бельи, чувствовал это. Он был строг и бдителен, но ему не повезло (случается, не везет и баловням Фортуны): королю вздумалось дать ему поручение, которое нельзя было выполнить, не уехав из

днии, до сих пор не сходящей с театральных подмостков?

Коварному плану не суждено было сбыться: сославшись на молодость, на неопытность в государственных делах, на занятость в театре и еще Бог весть на что, Лопе сумел уклониться от почетной миссии. Это была победа. Пусть хрупкая, пусть на недолгое время, но все же победа, «и мы, при первом свидании, таясь от бдительной ревности могущественного поклонника, отпраздновали мое спасение, и объятия наши были взаимными поздравлениями — мы отомстили ему любовными ласками, неистово пылкими, как бывает у двух согласных сердец при любых препятствиях и гонениях».

То было счастливейшее время, но, как всякое счастливое время, оно быстро пролетело. Могущественный соперник вернулся, и теперь его «бдительная ревность» удесатерилась. Если раньше Лопе мог беспрепятственно и практически в любое время суток приходить к своей возлюбленной, то теперь его не принимали здесь даже днем.

Ничего, голь на выдумки хитра. Облечившись в лохмотья (вот когда пригодился театральный опыт!), приближался он каждый вечер к заветному парадному. Тихонько дергал колокольчик, выходила служанка («и вместе с хлебом или деньгами выносила записку, которую я забирал, а ей отдавал свою»).

Но общались не только с помощью записок; нередко слышали и голоса друг друга, хотя положение кавалера был при этом не самым, мягко говоря, комфортным. Вот как описал он впоследствии эти бесподобные сцены.

«Мне часто удавалось поговорить с нею, растянувшись на земле под решеткой ее окна, где мог поместиться человек в лежачем положении. Там я устраивался, притворяясь спящим. К окну подходила Доротея и, заслоня собой решетку, беседовала со мной, обращавшим лицом вверх, к сиянию ее красоты».

Это, конечно, была милость с ее стороны, но именно милость, подаяние нищему, теперь уже нищему не переодетому, а взаправдашнему, который, однако, не мог — и не хотел! — забыть прежние времена,

В суд подал отец Елены — надо думать, не без наущения и не без тайной поддержки высокопоставленного благодетеля дочери. Сам-то благодетель — сделать этого не мог. Да и по какому, собственно, праву стал бы он вдруг защищать честь чужой жены? Иное дело — замолвить кому надо словечко, чтобы власти не тянули с принятием мер по жалобе за «обиды и клевету». (Именно так классифицировал отец действия поэта.)

И власти не тянули. В предпоследний день уходящего 1587 года Лопе прямо во время спектакля был на глазах ошеломленных зрителей арестован и препровожден в тюрьму.

Суд состоялся через две недели после ареста и приговорил «обидчика и клеветника» к четырем годам ссылки. Но родственники потерпевшей не успокоились. Ее братья представили новую улику: то самое уже упомянутое нами письмо, которое изобретательный драматург написал от имени их сестры самому себе и которое, попадаясь оно на глаза мужа — а мастер театральной интриги и рассчитывал на это, заставило б того немедленно вернуться в Испанию, чтобы положить конец незаконной связи. (О ней-то в письме и шла речь.)

Последовали новые разбирательства, новый суд и новый, увеличенный срок ссылки. «Служитель правосудия был беспощаден, таковы большинство из них...» У автора «Доротеи» имелись, право, все основания написать это.

Но в той же «Доротее», ставшей лебединой песней Колумба поэтических Индий, есть и другие слова, которые свидетельствуют, что, хотя Лопе во исполнение приговора и уехал из столицы, ссылка его была на самом деле лишь видимостью.

Слова эти — а их в романе произносит поэт, в котором автор изобразил самого себя, — обращены к женщине: «Вы, женщины, наша родина, и мы никогда ее не покидаем». «Родина» оценила это. Когда осенью 1632 года Мадрид отмечал как национальный праздник семидесятилетие Лопе Феликса де Вега Карпио, то, по свидетельству очевидца, больше всего было представителем прекрасного пола.

Руслан КИРЕЕВ.